

Александр Грин

Личный прием

Александр Грин
Личный прием

«Public Domain»

1926

Грин А. С.

Личный прием / А. С. Грин — «Public Domain», 1926

Кто был старик, умиравший в его хижине, – охотник не знал. Маурей отдал последнюю почесть старику, получив взамен вексель на тысячу монет в благодарность. Но не так то просто вернуть деньги, отданные скупому богачу.

© FantLab.ru

© Грин А. С., 1926
© Public Domain, 1926

Содержание

I	5
II	7

Александр Степанович Грин

Личный прием

I

Старик умирал. Он был почти слеп; к своему положению он относился с несколько смешной гордостью человека, долго и досыта дышавшего жарким огнем жизни. Поэтому Маурей уважал его.

Дом, где они жили, стоял на границе двух пустынь – степи и леса. До ближайшего поселения вниз по реке было два дня пути. В этом поселении находился второй, еще более важный, чем свой – для Маурея, – дом с белыми занавесками. Там жила особа в заплатанных платьях, но, по мнению Маурея, достойная носить костюм из звездных лучей, – Катерина Логар.

Маурей кормился ружьем. Но этого было недостаточно, чтобы с рук его невесты сошли грубые, болезненные трещины и чтобы напряженное, заботливое выражение ее глаз стало спокойным. Поэтому он сделал вдвое больше ловушек для куниц и бобров, чем в прошлом году. Шкуры, добытые им, висели в кладовой, устроенной на высоком дереве. Месяц назад неизвестный вор, проходя этими местами в отсутствие Маурея, залез на дерево, взял шкуры и исчез, а Маурей после того просидел целый день, опустив в руки лицо.

Кто был старик, умиравший в его хижине, – охотник не знал. Его свезли на берег плотовщики; он выпросился плыть с ними, но заболел по дороге, введя тем веселых парней в мрачное настроение. Рассудив, что дела старика все равно плохи, они попросили его сесть в лодку и дожидаться смерти на твердой земле.

– Я плыл в Аламбо, к родственникам, – сказал он Маурею утром, – у всякого человека должны быть родственники. Кое-кого я надеялся разыскать там.

Вечером он сказал:

– Подойдите и слушайте.

Маурей набил две трубки, но умирающий отказался курить.

– Сегодня я стану неподвижен, – продолжал старик, – не огорчайтесь этим, так как в свое время вы тоже станете неподвижным. Вы давали мне пить и есть в тяжелую для себя минуту. Я хочу вас поблагодарить.

– Напрасно, – возразил Маурей.

– Исполнение последней воли обязательно, поэтому спорить вам не приходится. В Аламбо живет известный миллионер Гордон.

– Я слышал о нем.

– Да. Когда он был беден, я дал ему займы, без векселя, тысячу золотых.

– Это хорошо.

– Затем он разбогател.

– На ваши деньги?

– Конечно. Это плут и делец. Затем я стал беден.

– Это плохо, – сказал Маурей.

– Пожалуй, – согласился старик. – И я потребовал вернуть мне деньги. С того дня, как я потребовал их, до сего дня прошло десять лет. Он не дал мне ни копейки.

– Почему?

– Этого я тоже не понимаю. Это какой-то психологический заскок, свойственный богатым, даже очень богатым.

– Что же теперь делать?

Старик вытащил карандаш, клочок бумаги и написал: «Тысячу золотых, взятых тобою, Гордон, когда тебе нечего было есть, отдай Маурею. Когда-то „твой“ Робертсон».

– Вот, получите, – сказал он, – деньги ваши. Он должен отдать.

– Но у вас, вероятно, есть наследники? – спросил Маурей.

– О нет! – Старик сделал попытку рассмеяться. – Нет, никого нет.

Маурей протестовал. Старик стоял на своем. Согласие было обеспечено сущностью положения.

– Хорошо, – сказал, наконец, охотник. – Что же передать еще Гордону?

– Что он подлец, – сказал умирающий, поворачиваясь к стене лицом; он заснул и более не просыпался.

II

Утром Маурей опустил его в землю, прикрыл могилу травой и, посидев несколько минут с клочком бумаги в руках, нашел, что ради Катарины Логар стоит проехать в Аламбо. Так как дело не расходилось у него с мыслью, он, взяв в мешок все ценное, то есть остаток шкур, нож и белье, сел вечером того же дня в лодку, а через четыре дня видел уже вертикальную сеть мачт, реявших вокруг белых с зеленым уступов города, спускавшегося к воде ясным амфитеатром.

Маурей привязал лодку к купальне, заплатил сторожу и поднялся в сверкающие асфальтовые ущелья города. По улицам переливалось экипажное и человеческое движение с той ошеломляющей, бархатистой напряженностью делового дня, которая мгновенно делает одиноким пришельца, доселе ждавшего, быть может, немедленного, приятного общения. Спросив раз десять, как пройти к Гордону, Маурей получил несколько противоположных указаний, следуя которым каждый раз попадал к затейливым огромным домам, – и все это были дома Гордона, но во всех этих домах его не было. Он был в каком-то еще одном, своем доме.

Наконец, исколесив половину города, Маурей нашел дом и в нем – Гордона. Он прошел железные кружевные ворота, аллею с огненными цветами и попал к раскинутому мостом подъезду, середина которого сверкала ярким небом зеркальных стекол.

Не видя никого, в то время как около дома вились эхом женские и мужские голоса, Маурей громко сказал:

– Эй! Есть ли кто живой здесь?

Молчание. Мимо его лица пролетела бабочка; деревья зеленели, цвели цветы, и не было никого. Маурей три раза повторил окрик, затем выстрелил в щебень дорожки. Камешки брызнули, как вода.

Тогда он увидел, что в глубине зеркальных выпуклостей подъезда мелькает, пропадая и торопясь, человеческая фигура.

Испуганный швейцар выбежал, хлопнул дверью и подступил к Маурею.

– Это вы выстрелили? – вскричал он, косясь и оглядывая с ног до головы смельчака. – Кто выстрелил? Что произошло здесь?

– Случайно зацепился курок, – сказал Маурей, кладя револьвер обратно. – Это вы – Гордон?

– Что?! Я Гордон?! Эй, любезный!..

– Простое, очень простое дело, – остановил его Маурей. – Нам нет причин ссориться. Если вы не Гордон, то проводите меня к Гордону.

– А вам зачем? Что у вас за дела с ним? Ступайте!

– Если у меня и есть дела, – сказал, начиная сердиться, Маурей, – то я скажу ему о том сам. А, вижу, вы – слуга. Только так бесится слуга, когда ему нечего сказать против законного желания. Я желаю видеть вашего господина.

– Милейший, – возразил швейцар, засовывая руки в карманы и показывая на лице глубочайшее оскорбление, – видеть Гордона – не совсем то, что поздороваться с пастухом. Гордон занят. Гордон никого не принимает. Гордон не примет даже второго Гордона, если такой объявится. Но если вы желаете увидеть Гордона – только увидеть, – то вы можете подежурить несколько у ворот. Через несколько минут Гордон выедет в свое загородное имение. Что же касается помощи, если о том речь, – то по это...

Единый удар массивной руки Маурея придал окончанию этого слова характер второго выстрела. Без звука, без сотрясения оглушенный швейцар пал. Маурей, вытирая о штаны руки, огляделся и, не видя никого, прошел в кусты. Здесь было так тревожно, прекрасно и тихо, как это бывает при сердцебиении ранним утром. Мгновенно оценив план, вызванный очевидностью положения и возникший непосредственно за ударом по швейцарской щеке, Маурей снова

вышел, перенес бесчувственное тело заслуженно пострадавшего в свое цветущее убежище и заткнул ему платком рот, руки же и ноги перевязал обрывком ремня.

Эти приемы, свидетельствовавшие об опытности и хладнокровии человека, применившего их, казались сущими пустяками для Маурей, так как жизнь в лесах развивает предприимчивость и точность движений. Затем он стал ожидать так неподвижно, как если бы охотился на бобра. Немного погодя, из глубины заднего плана, эластически шелестя, скользнул к подъезду кабриолет; черная лошадь стала, картинно опустив морду к груди, а кучер в цилиндре с плюмажем увидел неизвестного человека, дружески кладущего ему на колено руку.

– С швейцаром плохо, – сказал Маурей, – помогите поднять.

– Тропке!.. – вскричал кучер. – А что? Где?

– Он здесь за деревьями. Его хватил солнечный удар, – взволнованно проговорил Маурей.

Кучер слез и пробежал в тень лучистой листвы; Маурей бежал рядом. Едва блеснул затылок лежащего ничком швейцара, как кучеру показалось, что он видит сон, где все качается и исчезает из глаз: сбив кучера с ног, Маурей быстро завязал ему рот шарфом и опутал тело лианой. Плотнее забив рот, чтобы не проскочило ни одного звука, он выдрал сквозь петли лиан весь выездной костюм, приговаривая, где надо, чтобы дело шло быстрее, мертвящие мозг слова. Как бы то ни было, когда он вышел и сел с хлыстом в руке, обтянутой лопнувшей перчаткой, на передок кабриолета, ничто не могло обнаружить какой-либо перемены.

Беглый взгляд Гордона, вышедшего к великому своему изумлению без швейцара, заметил, как всегда, только плюмаж и хлыст. Лиц слуг он не помнил. Но он стал замечать после некоторых сосредоточенных размышлений делового характера, что экипаж мчится уже в парке, далеко оставив за собой некстати и в стороне единственное шоссе Аламбо, по которому лежит недавно купленное имение.

– Кой черт! – сказал Гордон, притоптывая в кабриолете маленькой жирной ногой. – Почему вы сюда заехали?

Он оглянулся. Маурей стремительно искал глухого угла. Наконец, свернув с аллеи в поросший густой травой просвет, он разом остановил лошадь и обернулся к полуобморочному Гордону.

– Вот записка, – сказал он, тыча в осоловевшее багровое лицо клочок бумаги. – От Робертсона. Уплатить! Живо!

– Я... – начал Гордон.

Черный револьвер и белая бумага ставили ему выбор. Совсем близко от дула он нагнулся и прочел резкое завещание.

– Чек или деньги! – сказал Маурей. – Начало всему положил ваш швейцар. Он думал, что я нищий. Потом перестал спорить. Затем наступила моя очередь думать. Уже запахло вами, а я – охотник.

Наступила очередь третьего человека как бы видеть сон в залитой солнцем листве: что он, лижа сухим, горячим языком чернильный карандаш, выписывает чек; затем, вспомнив, что деньги в кармане, комкает, отсчитывает билеты.

– Что-нибудь... что-нибудь... этот славный... этот великолепный, чудеснейший... передать мне?! – пролепетал Гордон.

– Да, – спокойно сказал Маурей. – Что вы – подлец.

Затем стало тихо вокруг Гордона. Как бы проснувшись, он никого не увидел. Далеко, в дальних просветах аллеи двигались малые фигуры людей, а лошадь как лошадь – спокойно общипывала листву.